

DOI: 10.15372/HSS20160206
УДК 903.26

Л.В. ТАТАУРОВА

**НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ КАК КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МАРКЕР
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ РУССКОГО КОМПЛЕКСА ИЗЮК-I)**

Лариса Вениаминовна Татаурова,
канд. ист. наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
РФ, 644024, г. Омск, пр. К. Маркса, 15
e-mail: Li-sa65@mail.ru

В статье на примере археологических материалов одного памятника предпринята попытка привлечь дополнительные критерии, позволяющие атрибутировать определенные типы нательных крестов как старообрядческие. Сделан вывод о том, что для отнесения определенных групп населения к течениям в православии необходимо использовать комплекс признаков, так как культовое медное литье XVII–XVIII вв. в качестве определяющего признака выступать не может. Впервые в научный оборот введена найденная в культурном слое поселения медная старообрядческая иконка.

Ключевые слова: археология Нового времени, медное культовое литье, христианство, конфессии, погребальный обряд.

L.V. TATAUROVA

**PECTORAL CROSSES AS CONFESSIONAL MARKERS
(ON ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF RUSSIAN COMPLEX IZYUK-I)**

Larissa V. Tataurova,
Candidate of Sciences (History),
Associated Professor, Senior,
Researcher of the sector of archaeology
Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
15, Karl Marx str., 644024, Omsk, Russia,
e-mail: Li-sa65@mail.ru

An increasing amount of archaeological research on the monuments of Modern time in Siberia, along with publication of the received materials promoted the study of cult copper molding as a category of finds. On the basis of materials from the Ilim fortress V.I. Molodin has created a typology of crosses attributing them to the Old Belief or Catholic types. In regard to the Old Belief types of crosses it is stated that they can't be identity marks of confessional appurtenance of their owners because the same crosses were used also by the followers of official Orthodoxy.

The purpose of this article is to reveal signs of confessional distinctions on the basis of archaeological materials from the Russian complexes of Modern time. The author used materials of an archaeological monument of Izyuk-I (Omsk region). According to the written sources in the XVII–XIX centuries the majority of villagers in the settlement of Izyuk were Old Believers. The materials from a funeral complex showed that more than a quarter of collected crosses which were worn on the neck belong to the Old Belief types. They were classified by researchers as belonging to this type on the basis of analysis of their morphology and texts of prayers. It is possible that Old Believers also used other types of crosses as the texts of prayers could be missing or difficult to read because of low-quality molding. Another criterion could be position of hands of the buried, because according to the ethnographic data the arms of the Old Believers were folded in a certain way. The author comes to conclusion that certain groups of population can be attributed to various religious confessions only on the basis of a set of signs while the cult copper molding of the XVII–XVIII centuries can not be used as the defining feature. For this purpose it is necessary to analyze more profoundly an archaeological context, to correlate it with the available stavoграфические материалы and written sources. The pectoral cross found in one of burials is of special interest. The paper introduces for the first time into scientific circulation the copper Old Belief icon found in an occupation layer of the settlement with the image of Saint martyrs Quiricus and Julitta.

Key words: archeology of Modern time, copper cult molding, Christianity, faiths, funeral ceremony.

Выявление этнической и конфессиональной принадлежности населения в период освоения Сибири является важным аспектом, который влияет на определение роли этого населения в исторической модели прошлого. В археологии Нового времени помощь в решении данной задачи оказывают письменные источники. Однако они дают лишь описательную характеристику, например, элементов хозяйственной деятельности, духовной культуры, не обозначая материальные маркеры, которые могут быть понятны археологу.

Рассмотрим такой аспект, как религия. После реформ Никона в русском православии произошел раскол, следствием которого стало появление староверческих религиозных течений. В Сибири в XVII в. развивался процесс заселения и освоения территорий. Естественно, жители городов и деревень, в большинстве своем православные, далеко не все были последователями церковных нововведений. Однако конфессиональные особенности сложно проследить на археологическом памятнике, ведь основные элементы материальной культуры у староверов и никониан были идентичными.

Цель работы – выявить признаки конфессиональных различий на основе археологического материала русских комплексов Нового времени Западной Сибири.

Интересные результаты в плане обозначенной цели дали материалы, полученные в ходе изучения памятника Изюк-I (Большереченский район Омской области, раскопки автора 1999–2004 гг.) [1]. По архивным материалам датой основания этой русской деревни можно считать 1662 г. [2, с. 137], строилась она во время церковной реформы Никона. Верхняя граница – конец XIX в., хотя началом разъезда деревни считают 1796 г. [2, с. 141]. Монетный комплекс Изюка дает нам даты от 1726 г. до 1891 г. [1, с. 9].

В 2000 г. после опубликования мною первых результатов раскопок погребального комплекса вопрос о конфессиональной принадлежности жителей Изюка (она же Евгацино) стал предметом дискуссии [1, с. 25, 26; 2, с. 137]. Позднее на основании письменных источников был сделан вывод, что большую часть жителей Изюка составляли староверы-поморцы [2, с. 144, 145]. В 1701 г. из 18 семей, проживавших в деревне, 16 были староверами. В разное время в течение XVIII в. и в 1801 г. из 175 семей 158 считали себя староверами. Из 40 семей, проживавших в Изюке в 1801 г., 39 были старообрядцами [2, с. 138].

Комплекс материальной культуры, выявленный при археологическом исследовании памятника Изюк-I, как уже говорилось выше, представляет общерусские традиции [3, с. 174–242]. Из всей совокупности артефактов только культовое медное литье, как основной, но не единственный конфессиональный признак, может способствовать достижению поставленной цели.

Изучение этого вида медной пластики в Сибири заметно активизировалось в последние десятилетия. Связано это с изданием каталогов музейных коллек-

ций и активизацией археологических исследований памятников Нового времени, как аборигенного, так и русского населения [4; 5; 6; 7; 8]. Опубликованные работы в основном посвящены нательным крестам: разработана типология, сделаны попытки проследить конфессиональную принадлежность их владельцев [6; 9; 10]. Однако вопросы выделения в общей массе ставрографического материала предметов культового литья, относящегося к старообрядческим традициям, только поставлены [10, с. 106–122; 11, с. 202–221].

Причин несколько: опубликованные музейные коллекции формировались в XIX–XX вв., и недостатком этих источников является отсутствие документации об их происхождении [4; 7, с. 93–95]; в большинстве работ, характеризующих музейные и археологические материалы, предметы, относимые к староверческим, детально не рассматриваются, а зачастую относятся к старообрядческим на основании анализа публикаций; русское население Сибири в XVII–XVIII вв. как до, так и после церковного раскола продолжало использовать «старообрядческое» культовое медное литье, за неимением «никонианских» крестов [11, с. 213], которое стало более востребованным в связи с указами Петра I от 1722–1723 гг. [12, с. 46; 13, с. 208].

Из сказанного следует вопрос: насколько вообще возможно выявление конфессиональных групп в составе населения изучаемого памятника по наличию культового медного литья?

Г.Х. Самигулов в ряде публикаций на эту тему пришел к выводу, что привлечение нательных крестов как конфессионального маркера некорректно, так как этими изделиями пользовались в XVIII–XIX вв. православные всех течений в России [11, с. 217]. Полностью согласна с исследователем в том, что для решения вопроса об отнесении разных типов медной пластики к той или иной ветви православия необходима публикация всей массы имеющегося археологического и музейного материала. Это создаст серьезную источниковую базу, но вряд ли позволит решить однозначно, какие типы крестов станут конфессионально знаковыми. Во-первых, отчасти в силу указанных выше причин; во-вторых, большая часть археологических находок литья имеет разное качество отливки и сохранность, что особенно важно для выявления морфологических особенностей и прочтения титла с лицевой стороны и текста молитвы на обороте. Исходя из анализа материалов моих коллекций, следует отметить, что не на всех экземплярах молитва присутствует (есть много случаев, когда обратная сторона гладкая), а на части находок текст не читается. Это связано с качеством изготовления предметов. Например, во второй половине XIX в. в Западной Сибири среди старообрядцев-литейщиков медных изделий бытовала практика устраивать мастерские на конных повозках. Они возили с собой все необходимое оборудование для литья крестов [13, с. 208], по мере необходимости изготавливали их, и, вероятно, тут же распространяли. Говорить о высоком качестве таких изделий не приходится. По-

добная практика медного литья, вероятно, имела место и в более раннее время.

Каким мне видится выход? Во-первых, не стоит разрушать «до основания» созданные концепции выделения старообрядческих предметов. Во-вторых (и это касается археологического материала), более скрупулезно следует относиться к контексту обнаружения крестов и интерпретации этого контекста; в-третьих, необходимо выявить другие признаки, позволяющие определять конфессиональные особенности.

Главным критерием в работе с материалом является его привязка к региону, памятнику, исторической ситуации. В этом плане показательны археологические коллекции: они получены из культурного слоя, имеют относительную, а иногда и абсолютную датировку, связаны с определенной этнической группой, то есть включены в исторический контекст, с которым можно соотнести данные письменных источников.

Например, по материалам кладбища Илимского острога В.И. Молодин на основании анализа определенных типов крестов выделяет старообрядческий компонент в составе населения (около 15 %), который относится к XVIII – XIX вв. [6, с. 106–122]. Конечно, нельзя говорить о том, что этот процент был стабильным в обозначенный период времени. Рассмотрение другой группы предметов культового медного литья позволило исследователю выявить среди населения Илимского острога присутствие приверженцев католической ветви христианства [10, с. 123–135]. И.М. Бердников на материалах Иркутска выделяет захоронения с католическими крестами [9, с. 138–165; 14, с. 164–178]. На мой взгляд, эти ставрографические материалы выступают конфессиональным признаком.

Возвращаясь к археологическим материалам д. Изюк, постараемся выделить черты, которые могут указывать на принадлежность ее жителей к староверам.

Начнем с анализа предметов культового медного литья, найденных при изучении кладбища д. Изюк, где археологически изучено 262 могилы. У 80 % погребенных зафиксированы нательные крестики – всего 207 [15, с. 158]. Их систематизация по типам выполнена И.Д. Кромм, на основании чего сделана попытка их датировки [16, с. 222–226].

Ряд исследователей культового медного литья, используя искусствоведческий, культурологический и исторический подходы, пришли к выводу, что к старообрядческим относятся кресты типа 1, подтипа 1 (мужской) и типа 5, подтипа 1 (женский) [10, с. 106–122; 17, с. 334–351]. Попробуем проанализировать их в контексте изучаемого памятника. Эти типы тельников в собрании Изюка представлены: тип 1, подтип 1 – 29 экз., тип 5 – 38, т. е. всего 67, что в совокупности более четверти всей коллекции. Необходимо отметить, что 99 крестов относятся к типу 1, подтипу 2 [16, с. 224].

Рассмотрим распространение старообрядческих типов крестов во взрослых погребениях. Из 53 женских захоронений кресты обнаружены в 45, старооб-

рядческие – в 25. В 18 из них – кресты 5-го типа, тип 1, подтип 1 представлен в 7 могилах. В 28 мужских захоронениях зафиксировано 20 крестиков, из них 6 старообрядческих относятся к типу 1 подтипу 1.

Еще одной чертой погребального обряда староверов можно считать положение рук умершего. В материалах Изюка их зафиксировано 13 вариантов [1, с. 98]. Особенности в положении рук отмечены и на других археологических памятниках Нового времени, что интерпретируется как конфессиональные различия [18, с. 135]. По православным канонам руки умершего должны быть уложены на груди крестообразно, правая сверху. По данным этнографии – для мирян руки должны быть скрещены на груди, правая на левой; для старообрядцев – руки согнуты в локтях поперек туловища, правая сверху, пальцы «крестиком» [19, с. 193].

Проследим сочетание указанных признаков: положение рук поперек туловища и тип нательного креста.

В женской серии в 23 погребениях зафиксировано положение рук поперек туловища, в 10 из них – старообрядческие кресты; руки, скрещенные на груди, отмечены в одном случае, но вместе с крестом 5-го типа. 15 погребений по положению рук можно отнести к «переходным» формам: правая рука лежит на поясе, а левая на груди, или левая рука лежит на поясе, а правая в области сердца. В шести погребениях с «переходным» положением рук – старообрядческие крестики.

В серии мужских погребений с положением рук похожая картина: в 12 они расположены поперек туловища, но только в четырех погребениях были старообрядческие кресты 1-го типа. В шести случаях руки скрещены на груди (причем в пяти из них левая рука лежала на правой), кресты либо отсутствуют, либо относятся ко 2-му подтипу типа 1, в одном захоронении наперсный крест. «Переходные» формы встречены семь раз, два с крестами 1 типа, подтипа 1.

Рассматривать представительную детскую серию по сочетанию типов крестов и положению рук не объективно. Детские погребения имели плохую сохранность, особенности положения рук не всегда прослеживались. По крестам такая статистика: на 183 ребенка – 142 крестика, из них 54 можно отнести к старообрядческим, преобладает тип 1.

Анализ планиграфии и стратиграфии могил на кладбище Изюка позволил сделать вывод о семейном принципе расположения погребений, на основе чего выделено 32 комплекса [1, с. 113–135]. Развитие кладбища происходило постепенно, но по археологическому материалу невозможно определить временную динамику этого процесса. Соотношение типов крестов внутри выделенных комплексов различное, имеются комплексы, где у всех погребенных найдены только старообрядческие крестики. Но чаще – это тип 1, подтипы 1,2 и тип 5. А.А. Крих для жителей д. Евгашино отмечает, что «нормальной ситуацией являлась принадлежность членов одной семьи к разным религиозным традициям» [2, с. 145]. Хотя этому, возможно, есть и другое объяснение. Как сказано выше, не все кресты

на обороте имеют молитву (оборот креста гладкий), а на многих она не читается. На лицевой стороне все старообрядческие каноны соблюдены: восьмиконечный Голгофский крест, титулы ЦРЬ СЛЫ (Царь Славы), ИС ХС (Иисус Христос), НИКА. Может быть, за неимением противоречия (текста молитвы) эти кресты тоже могли быть востребованы у староверов.

Еще одной чертой культуры староверов считается использование для погребения долбленых колод [19, с. 195]. На Изюке только три захоронения являются исключением из этого правила: два взрослых женских – в гробах из досок, у умерших старообрядческие крестики 1-го типа, руки – одна на поясе, другая – на груди; и одно детское – в люльке без крестика. Однако колоды для взрослых погребений, вероятно, стоит считать старообрядческим маркером для XIX в., когда происходит массовый переход к захоронениям в дощатых гробах [1, с. 93,94].

В контексте анализа культового литья стоит остановиться еще на нескольких сюжетах. В мужском погребении вместо обычного тельника был обнаружен наперсный крест [15, с. 161]. Его владелец, вероятно, имел священнический сан [20, с. 233, 234]. Интересно парное захоронение в колоде женщины около 45 лет со сложенными поперек туловища руками, но крест 7-го типа с распятием, исследователи относят такие к католическим [9, с. 170; 10, с. 125, 131], у нее в ногах младенец со старообрядческим крестом. Уникальным можно считать крест из детского (около 2 лет) погребения, на одной стороне которого распятый Иисус, на обороте – Дева Мария с младенцем [15, с. 161], аналогичный найден в г. Иркутске и интерпретируется как католический [9, с. 149, 160].

Внимания заслуживает еще один предмет культового литья. В нижнем уровне культурного слоя поселения была обнаружена бронзовая иконка-образок с изображением святых мучеников Кирика и Улиты (см. рисунок).

Иконка размером 5,3 на 3,0 см, толщиной 0,1 см. Наверху с изображением Спаса Нерукотворного оконтурено резным бортиком. Край образка тоже с бортиком, внутри мученица Улита с крестом в руке, и Кирик со сложенными на груди руками. В левом верхнем углу нечитаемые буквы, в нижнем правом – цветок лотоса. Обратная сторона гладкая, на вершине имеется петелька, но без отверстия. В публикациях подобные образки встречены в каталогах музейных коллекций с краткими описаниями [4, с. 98; 7, с. 95]. Аналогии из археологических памятников мне не известны.

Святые мученики Кирик и Улита, как гонимые и принявшие смерть за веру, особо почитались у старообрядцев, которые считали их своими покровителями. Этим святым молились женщины за здоровье детей [21, с. 8]. Образки использовались как средники трехстворчатых складней или в составе врезных икон [13, с. 208; 21, № 202, 203]. К сожалению, из археологического контекста к его интерпретации ничего нельзя добавить, он был найден в межжилищном пространстве.

Бронзовая иконка с изображением Кирика и Улиты с поселения Изюк-1 (Омская область).

Таким образом, по письменным источникам в д. Изюк большинство населения принадлежало к староверам поморского толка; более четверти всех обнаруженных крестов относится к старообрядческим типам, из 80 взрослых, похороненных на кладбище, у 35 руки сложены поперек тела, у 22 «переходные» формы положения рук. В поселенческом слое найдена почитаемая у старообрядцев икона.

Для отнесения определенных групп населения к тому или иному течению в православии необходимо использовать комплекс признаков, что требует тщательного анализа археологического контекста, соотнесения его с имеющимся ставрографическим материалом и письменными источниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск, 2010. 284 с.
2. Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск, 2012. 295 с.
3. Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири

в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск, 2014. 374 с.

4. Карпенко Е.В. Медное художественное литье XII–XX вв. в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь. Каталог. Минск, 2004. 178 с.

5. *Русский православный крест* в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2007. 348 с.

6. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007. 248 с.

7. Исаева Н.Н. Из опыта каталогизации коллекции медного литья Красноярского музея // Русское медное литье М., 1993. Вып. 2. С.93–103.

8. Боброва А.И. Нателные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С.107–115.

9. Бердников И.М. Нателные кресты, иконы и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (г. Иркутск) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология, этнология, антропология, 2012. № 1 (1). С.138–165.

10. Молодин В.И. Очерки по ставрографии. Красноярск, 2008. 164 с.

11. Самигулов Г.Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 202–221.

12. Захарова С.О. Становление и развитие старообрядческих центров медного литья // Вестник Чел. гос. ун-та, 1999. № 1 (9). Серия 1. История. С. 44–49.

13. Белобородов С.А., Гончаров Ю.А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитейный промысел в Зауралье в XVII – начале XX в. // Сибирская икона. Омск, 1999. С.207–212.

14. Бердников И.М. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. 2012. Т. II, вып. 7. С.164–178.

15. Татаурова Л.В. Характеристика ставрографических материалов комплекса Изюк-I // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2012. Т. 12. С. 158–162.

16. Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некролей г. Иркутска // Вестн. Ом. гос. ун-та, 2012. № 4. С. 222–226.

17. Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 326–360.

18. Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 133–136.

19. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. 223 с.

20. Кромм И.Д. Наперсный крест из русского погребального комплекса Изюк I // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии. Красноярск, 2011. С. 232–234.

21. Гнүтова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. М., 2000. 136 с.

REFERENCES

1. Tataurova L.V. The Funeral Rite of the Russians in the Middle Irtysh XVII–XIX Centuries, Based on Complex Izyuk-I. Omsk, 2010, 284 p. (In Russ.)

2. Krikh A.A. Ethnic History of the Russian Population in the Middle Irtysh Region (XVII–XX centuries). Omsk, 2012, 295 p. (In Russ.)

3. Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S. Adaptation of Russians in Western Siberia at the End of the XVI – Beginning of the XVIII centuries (on the materials of archaeological studies). Omsk, 2014, 374 p. (In Russ.)

4. Karpenko E.V. Art copper castings of the XIX–XX centuries in the collection of the National Art Museum of Belarus. Minsk, 2004, 178 p. (In Russ.)

5. *Russian Orthodox crosses* in the collection of the Russian Ethnographic Museum. SPb, 2007, 348 p. (In Russ.)

6. Molodin V.I. Crosses worn on the neck from the Ilim fortress. Novosibirsk, 2007, 248 p. (In Russ.)

7. Isaeva N.N. From the experience of cataloging the collection of copper castings in Krasnoyarsk Museum. *Russkoe mednoye lit'e*. M., 1993, pp. 93–103 (In Russ.)

8. Bobrova A.I. Crosses worn on the neck of the Tiskinskii Necropolis. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2004, no. 4 (20), pp. 107–115 (In Russ.)

9. Berdnikov I.M. Crosses worn on the neck, icons and small icons from the excavations of the Krestovozdvizhenskii necropolis (Irkutsk). *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya*. 2012, no. 1 (1), pp. 138–165 (In Russ.)

10. Molodin V.I. Essays on history of the Orthodox cross. Krasnoyarsk, 2008, 164 p. (In Russ.)

11. Samigulov G.Kh. Once again about castings of crosses worn on the neck in the end XVIII – the middle of XIX century (the issue of the Old Believers Cross). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, 2008, pp. 202–221 (In Russ.)

12. Zakharova S.O. Formation and development of centers of Old Believers copper casting. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*, 1999, no. 1 (9), Seriya 1. Istorija, pp. 44–49 (In Russ.)

13. Beloborodov S.A., Goncharov Iu.A. Old Believers iconographic tradition and copper castings craft in the Urals region in XVII – the beginning of XX century. *Sibirskaya ikona*. Omsk, 1999, pp. 207–212 (In Russ.)

14. Berdnikov I.M. Crosses worn on the neck from the excavations of the Spasskii Church in Irkutsk. *Vestnik NGU*. 2012, vol. II, issue 7, pp. 164–178 (In Russ.)

15. Tataurova L.V. Characterization of stavrography materials of complex Izyuk-I. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. Omsk, 2012, vol. 12, pp. 158–162 (In Russ.)

16. Kromm I.D., Berdnikov I.M. Identifying opportunities for dating stavrography collection of Omsk Irtysh region based on the comparative analysis of the materials from Irkutsk necropolis. *Vestnik Omskogo universiteta*. Omsk, 2012, no. 4, pp. 222–226 (In Russ.)

17. Vinokurova E.P. Metal casting crosses worn on the neck of XVII century. *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. XVII vek*. M., 1999, pp. 326–360 (In Russ.)

18. Samigulov G.Kh. First Chelyabinsk necropolis (on the results of archaeological excavations). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, 2002, pp. 133–136 (In Russ.)

19. Bardina P.E. Life of the Russian Siberians of the Tomsk Krai. Tomsk, 1995, 223 p. (In Russ.)

20. Kromm I.D. Pectoral orthodox cross in the Russian necropolis Izyuk-I. *Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii*. Krasnoyarsk, 2011, pp. 232–234. (In Russ.)

21. Gnütova S.V., Zotova E.Ia. Crosses worn on the neck, icons and folding icons. Art copper casting at the beginning of XX century. Moscow, 2000, 136 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.04.2016